

Ульянов на огневом рубеже

Илья СМЕРНОВ

Картина «Ворошиловский стрелок» никого не оставила равнодушным. Депутат и режиссер Станислав Говорухин представил свой взгляд на новейшую историю. Впрочем, сам автор уверяет, что это лишь предполагаемое развитие событий: униженные и оскорбленные берут власть в свои руки.

Фильм уже получил весьма негативную оценку во многих органах печати.

Верная своей традиции представлять разные точки зрения на текущий кинопроцесс, «ЭС» печатает сегодня первую из полученных ею рецензий на фильм. В ближайших номерах — и другой взгляд на картину Говорухина.

Фильм Станислава Говорухина "Ворошиловский стрелок". НТВ-профит, 1999.

Разруха не в кошельках, но в головах. Кинематограф у нас погиб не оттого, что денег давали меньше, чем в Голливуде, а от отсутствия идей. И возродиться он может не раньше, чем в головах у кинематографистов появится что-то разумное и гуманное, созвучное времени.

Новый фильм Станислава Говорухина вселяет надежду.

Во-первых, это едва ли не единственное за много лет (после "Утомленных солнцем" Н. Михалкова) кино с нормальным сценарием. Мы уже привыкли к тому, что даже в лучших работах трудно оценить по достоинству актеров — слишком режут глаз несообразности сюжета. Например, "Время танцора" в принципе очень достойный фильм, но да простят меня А. Миндадзе и В. Абдрашитов: не было в 90-е годы на территории нашей "бывшей" Родины ни одного региона, где в результате этнических чисток русские вытеснили бы какой-то другой народ. Политическая конъюнктура убивает психологическую достоверность.

В фильме Станислава Говорухина происходящее достоверно и сообразно эпохе (за что отдельное спасибо автору литературного первоисточника — Виктору Пронину). Персонажи — не условные фигурки из компьютерных стрелялок (киллер, путана, супермен и прочие), а живые люди со всеми характерными приметами времени. Вот троица, которая в начале фильма насилует вначуку главного героя. "Герой капиталистического труда" с массивной золотой цепью там, где должна быть шея, и характерным лексиконом. Выйдите на улицу — и очень скоро нечто подобное промчит мимо вас на "мерседесе", обдавая грязью. Второй, "Студент" — интеллектуальный прихлебатель с гибким языком, хорошо натренированным лизать там, откуда выпадают доллары. Хотите — сонет напишет, хотите — предвыборную программу, хотите — восторженную рецензию на концерт под фонограмму.

Сколько же у меня таких бывших знакомых! Кстати, тип как бы обаятельный (именно он заманивает несчастную глупенькую девчонку) — но именно "как бы", потому что Говорухин (режиссер правдивый) не играет со своим персонажем в его подлые игры, в пресловутый обаятельный цинизм, а показывает его таким, какой он есть на самом деле. Наконец, третий — бесхребетный и бессмысленный сынок высокопоставленного папши, сам по себе не злой и не жестокий (никакой, пустое место) — но от вседозволенности и безнаказанности сорвавшийся с тормозов. Помните, недавно такой насмерть задал джипом нескольких человек? И поехал дальше "оттягиваться". И оттягивается, как ни в чем не бывало, до сих пор, потому что убил не равных себе, а простых работяг. "Совков".

Диалог из фильма: "Кто у нее родители?" — "Живет с дедом, дед — обычный пенсионер". "А..." Можно насиловать. Ничего за нее не будет.

"Откуда они такие берутся? — повторяет в недоумении обычный пенсионер Михаил Ульянов. — Денег в стране нет, а на какие шиши банки строятся?" И потом, уже начиная кое-что понимать, говорит одному из хозяев "Возрожденной России":

— Ах, какие мы жирные, важные. Оккупанты поганые.

В этот момент большая часть зала начинает аплодировать. Заметьте, не простого зала, а Дома кино. Инстинктивная реакция на то, что с экрана в открытую назвали своими именами то, что все и так понимают — включая и гг. "оккупантов", которым отлично известно, на чьи деньги строятся их банки и

виллы. Но вслух об этом говорить не положено. Даже гг. "коммунистам", которые, как вы знаете, умеют вовремя перевести простые социальные вопросы в национальную и геополитическую плоскость.

В "Ворошиловском стрелке" все свои, на одной улице выросли, в одной школе учились (или детей, внуков туда водили).

Закономерно, что правдивый фильм снял именно Говорухин. После не очень правдивой "России, которую мы потеряли" он успел еще попредседательствовать в парламентской комиссии по Чечне — именно в то время, когда положено было сочувствовать "Робин Гудам", которые так отважно и находчиво прикрывались в бою беременными женщинами. Теперь цену этим "Робин Гудам" узнали даже на НТВ. А каково было Говорухину в мае 1995 года проводить объективное расследование так называемых "репрессий против мирного населения в селе Самашки"?

Станислав Сергеевич оказался честным следователем. Сложись ситуация по-иному, подчинись он тогда тусовке — вряд ли ему удалось бы снять потом что-то настоящее.

Некоторый обществено-политический уклон моей рецензии может навести читателя на подозрения, что фильм "Ворошиловский стрелок", вопреки всему тому, что говорилось выше о живых людях,

все-таки ближе к политическому памфлету с такими признаками жанра, как черно-белая сортировка персонажей, прямолинейный конфликт et cetera. Но, во-первых, политическая пристрастность автора не исключает художественности — если идет от искреннего чувства, а не от конъюнктуры (вспомним Эйзенштейна, Мейерхольда, Маяковского и других классиков). Во-вторых, конфликт в фильме Говорухина вовсе не прост.

Проста и примитивна троица насильников. Ровно настолько, насколько подобные персонажи примитивны в реальной жизни. И как в реальной жизни, при первом же намеке на сопротивление эти герои оказываются трусливыми шакалами. Но ведь настоящие противники ульяновского героя — вовсе не они. "Господин полковник", вельможный отец одного из юных шакалов (Александр Пороховщиков) далеко не прост. Умен, высокопрофессионален и отлично знает цену собственному отпрыску. Полковник — по-своему трагическая фигура, в которой воплотилась гениальная предвидение Л.Д.Троцкого о советской бюрократии; ей суждено отказаться от сталинизма, когда она решит обратиться к корпоративной собственности в частную, передаваемую по наследству. Собственности у героя Пороховщикова теперь хоть отбав-

ляй, да только передавать некому.

В отличие от голливудских боевиков, где сюжет, как правило, движем случайными стечениями обстоятельств, героя Михаила Ульянова толкает на путь кровной мести сама логика жизни. Причем сначала родное государство, ради которого старик честно воевал и работал, вроде бы согласно отплатить ему добром. И участковый — внук (правнук?) Анискина, и капитан-оперативник, похожий на современного Жеглова — оба всей душой на стороне жертв, а не преступников. Но чем выше уровень власти, тем отчетливее проявляется ее классовая природа.

Говорухина упрекают в том, что он пропагандирует самосуд вместо правосудия. Но ведь с исторической точки зрения кровная месть — тоже правоохранительный институт, только чрезвычайно архаичный. Если людям отключить водопровод, они начнут брать воду из колодца. То есть обратятся к архаичной форме водоснабжения. Ситуация, когда цивилизованные правоохранительные органы демонстративно отказываются выполнять свои функции ("Закон о смешных правах", ЭС № 8), вынуждает граждан защищать себя и свои права самостоятельно. Подобная самодеятельность не только морально оправдана, но и правомерна, поскольку направлена на устранение большего зла.

— Жизнь тяжелая пошла. Трудно жить без инструмента. ("Инструмент" — винтовка, замаскированная под садово-огородный инвентарь).

Может быть, обилие подобных сюжетов (одинокий ковбой против мафии), в американском кинематографе является свидетельством жизненной силы нации, которая пока не позволила окончательно растворить себя в политкорректном сопереживании всякого рода подонкам. Поэтому США остаются великой державой (на радость ли, на беду ли остальному человечеству — это уже другой вопрос).

Но американская история Говорухина по сути своей глубоко пессимистична. Это проявляется и в выборе героя. Старик — такой же реликт, как паровоз, на котором он работал в молодости, как его железнодорожная фуражка, как старые деревенские избы по соседству с новостройками. "Молодое поколение" — дочь героя — совершенно в стороне от конфликта. Девочку она оставила на деду, потому что сама ездит в Турцию подышать тамошнюю легкую промышленность, и даже несчастье с собственным ребенком не воспринимает всерьез. Она вообще не воспринимает ничего, кроме долларов, и легко соглашается взять с насильников отступное — ей не хватает на очередную партию турецкого тряпья. "Да они же тебя хуже Кати изнасиловали!", — говорит ей отец. А самое младшее поколение, пострадавшая Катя — мила, но совершенно беспомощна. И так, наш герой одинок даже в собственной семье. За помощью для осуществления мести он вынужден обращаться — смотри внимательно на экран! — к той самой силе, которая втаптывает в грязь его жизнь.

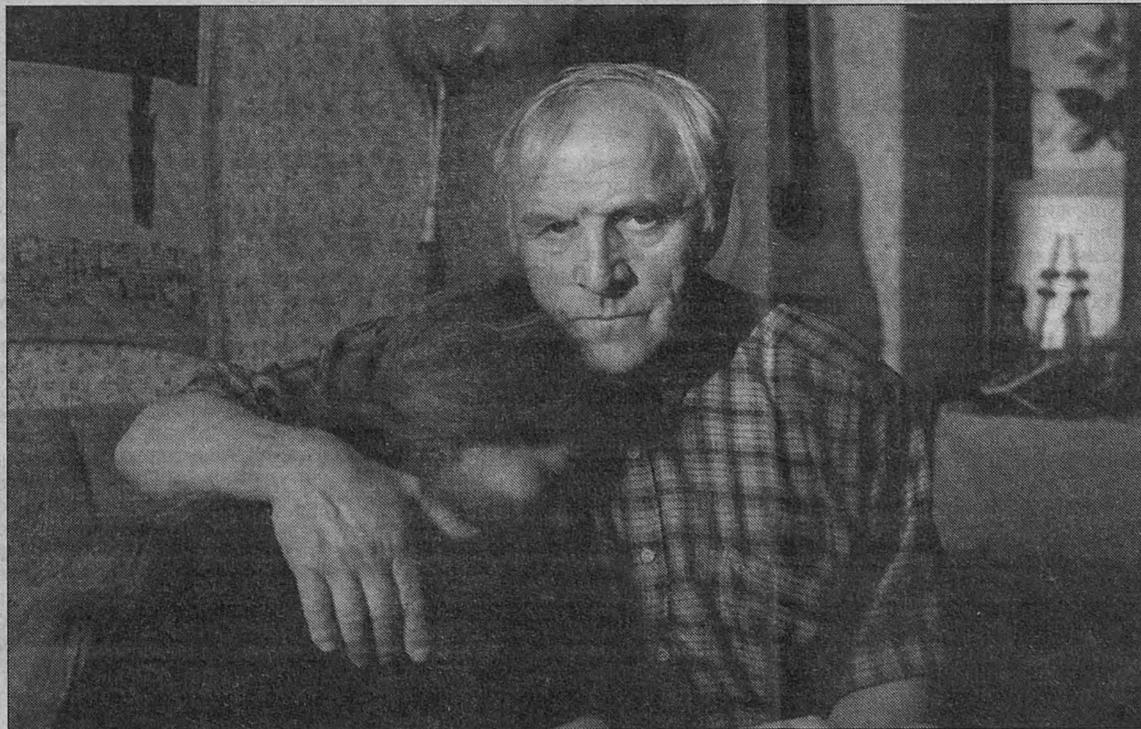
Получив оружие, он занимает огневой рубеж. Этот рубеж занимал герой Анатолия Папанова в "Холодном лете 53-го". Вспомним: бывший узник сталинских лагерей, он вступил в бой не с Советской властью (наоборот: сельский милиционер — его союзник), а с нелюдью, которая не имеет ни партийности, ни отечества. Но герой Папанова плохо стрелял (кстати, снайперские достижения говорухинского "стрелка" — главная претензия к фильму). За время, прошедшее между двумя фильмами, огромную страну отдали на растерзание "Братьям-Упырям". И увековечили их победу в нашем новом кино, которое по своему профессиональному уровню не может бросить даже тени на великий советский кинематограф.

Кто отдал? Не ЦРУ и не мормоны, а мы сами. И автор рецензии в том числе. Между прочим, и М.А.Ульянов своей, как обычно, блестящей игрой в фильме Говорухина реабилитируется за некоторые акции СТД в бытность его председателем, в частности, за агит-собрание "Да, да, нет, да" в Доме Актера 8.04.1993, где Е.Т.Гайдар провозгласил: "Забыв про все юридические тонкости и нюансы, покажем, что мы за новую Россию".

"Ворошиловский стрелок" — одинокий Дон-Кихот минувшей эпохи. Впрочем, виноват. У него есть союзник. Тот самый простоватый с виду, а на деле весьма сообразительный участковый. Он не вступает в открытый конфликт с начальством, но тайно выручает старика в самую трудную минуту. Причем, "инструмент" не возвращает. Оставляет у себя. Куда денется опасная улика? Сдать ее официально милиционер не может, поскольку сам таким образом признается в преступлении. Значит, оружие будет припрятано до поры. Настанет час — и снова заговорит.

А лучше было бы с самого начала — не забывать "про юридические тонкости и нюансы", открывая бесконечный сериал неконтролируемого насилия.

● Кадр из фильма

Экран и сцена —